

© 2010 г.

В.П. БУЗЕСКУЛ. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Составление, вступительная статья, подготовка текста и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. 832 с.

Рецензируемый труд хорошо известен специалистам, хотя и полвека назад считался библиографической редкостью. Первая часть его была опубликована в 1929 г. в качестве седьмого выпуска серии «Труды Комиссии по истории знаний». Вторую часть С.А. Жебелёву удалось выпустить в свет уже после смерти В.П. Бузескула (Л., Изд-во Академии наук СССР, 1931 г.). Во вступительной статье к рецензируемому изданию (с. 11–42) И.В. Тункина на основе богатого архивного материала рассказывает о драматической судьбе последней книги замечательного историка-антиковеда В.П. Бузескула.

Работа была написана во второй половине 20-х годов – не лучшее время для нашей исторической науки, тем более для сочинения, посвященного достижениям «буржуазной историографии». Уже первая часть, повествующая о ранних этапах отечественной историографии (преимущественно до 80-х годов XIX в.) вызвала грубую критику за отсутствие классового подхода и тому подобные грехи. Следующий выпуск, в котором давался, между прочим, основательный обзор истории русского антиковедения, подвергся цензурной правке. Роль цензора принял на себя неприменный секретарь Академии наук СССР, известный специалист по истории социалистических учений В.П. Волгин. Он также предпослал книге вступительное слово, в котором указал на пороки буржуазной науки вообще и книги академика В.П. Бузескула в частности.

Академик В.П. Волгин писал, что работа В.П. Бузескула – вовсе не «законченное исследование» по истории русской исторической науки (подобное исследование, конечно, может написать только марксист). Но она все же представляет определенную ценность в качестве сводки материалов – и только по этой причине ее выпускает в свет Редакционно-издательский совет Академии наук. В.П. Бузескул знал о том, что его книга выйдет с подзаголовком «Материалы» и со вступительной статьей такого рода. Он писал С.А. Жебелёву: «Хотят обезвредить книгу и себя выгородить, ибо ожидают травли: ведь в моей книге нет требуемого “подхода”, и речь идет о многих одиозных лицах» (с. 3 рец. изд.).

Последнюю, третью, часть, посвященную истории византиноведения и изучению славянского мира с 70-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны, опубликовать в Советском союзе так и не удалось. Между тем попытки такие делались неоднократно. Незадолго до смерти (в начале 1931 г.) сам автор подготовил издание этого выпуска на украинском языке (не был напечатан). С.А. Жебелёв в 30-е годы обращался к руководству Академии наук с предложением издать книгу. В редактировании рукописи ему помогал (до ареста) А.И. Доватур. Помимо всех обвинений, которые и ранее звучали в адрес В.П. Бузескула, сама тематика третьего выпуска была совсем не созвучна эпохе. Антирелигиозные кампании – а тут византинистика, церковная литература; «дело славистов», борьба с реакционным индоевропейским языкознанием – а тут история славяноведения...

Новые надежды появились после Великой Отечественной войны. Тогда И.Ю. Крачковский пытался организовать публикацию. Византинист Н.С. Лебедев готовил рукопись к печати (заодно приходилось идти на уступки «духу времени»: убирать упоминания об эмигрантах и просто о зарубежных ученых – на дворе ведь «борьба с космополитизмом»).

Только в рецензируемом издании впервые публикуется полностью авторский текст первых двух частей книги и – наконец-то! – также и третий ее выпуск. Как можно было предполагать, рассказ о византинистах и славистах представляет значительный интерес для антиковедов – хотя бы по той причине, что здесь можно встретить немало филологов-классиков (начиная с В.В. Латышева, Ю.А. Кулаковского и М.Н. Крашенинникова). Труд В.П. Бузескула – явление уникальное по широте

охвата, по добросовестности и обстоятельности, по ясности и живости изложения. Уже современники поражаются эрудиции автора. Книга стала результатом 50-летия его научной работы и университетского преподавания. Он читал лекции по всем разделам всеобщей истории: по истории Востока, Греции, Средних веков и Нового времени (все, кроме истории древнего Рима). И.В. Тункина цитирует письмо С.А. Жебелёва: «Я, к стыду своему, с теми авторами, за которых Вы взялись так вплотную, почти что не знаком. А между тем так важно знать, что думали и как относились к истории все эти почтенные люди. Ведь на этом учимся и совершенствуемся» (с. 23).

Вопреки осторожному подзаголовку, который был дан второй части труда при ее первой публикации, работа В.П. Бузескула – отнюдь не просто «материалы». Это именно законченное исследование, в котором русская наука последовательно рассматривается на фоне мировой. Автор не только прекрасно знает европейскую историографию, но и дает ей трезвые, взвешенные оценки. Его задачей является показать достижения отечественных ученых, не преувеличивая и не преуменьшая их заслуги. Он с равным интересом относится как к вопросу о рецепции западных идей, так и к проблеме своеобразия нашей историографии, тесно связанной с особенностями развития страны – европейской, но стоящей отчасти в стороне от политических, национальных и конфессиональных конфликтов, отражавшихся в трудах западных историков.

Попутно отметим одно немаловажное обстоятельство. В.П. Бузескул – человек редкой работоспособности, но жил и работал он в провинции, в Харькове. Лишь став действительным членом Академии наук (в 1922 г.), ученый с трудом получал возможность приезжать дважды в год в Петроград/Ленинград на Общее собрание (Украинский Наркомпрос не дал ему командировки даже на пышные торжества по случаю 200-летия Академии наук в 1925 г. – см. с. 24). Однако он имел право писать (с. 22): «Я привык работать только тогда над тем или другим вопросом, когда знаю его литературу, его настоящее положение в науке». Беспokoило его лишь отсутствие информации о новейших западных публикациях (которых и в Петрограде-то не было). Какими же приличными еще оставались условия работы в провинциальных библиотеках даже на заре советской власти!

В.П. Бузескул понимал, что книгу его ждет нелегкая судьба. Однако, читая ее, убеждаешься в том, что он не шел на сделки с совестью. Старый ученый вел себя достойно, не приспосабливаясь к власти. Только что прогремело дело академика С.А. Жебелёва, осмелившегося опубликовать статью в эмигрантском издании Н.П. Кондакова «*Seminarium Condacovianum*». В это время В.П. Бузескул пишет о научных заслугах Н.П. Кондакова, а Академия наук исключает из своих рядов эмигранта и ярого врага советской власти М.И. Ростовцева. А В.П. Бузескул тогда же пишет о нем в своей книге (с. 276): «Большая эрудиция, широта и богатство мысли, дар комбинации, привлечение материала, заново собранного, новое объяснение и новое освещение старого материала – характеризуют вообще труды М.И. Ростовцева». Он и заканчивает второй выпуск именем Ростовцева (с. 297): «...филологически-антикварная точка зрения на древности с течением времени уступила место иной, более широкой, исторической... Наиболее ярким примером служит М.И. Ростовцев». Цензура, понятно, опустила и последнюю фразу, и весь предыдущий абзац – но сам автор вел себя безупречно.

В третьей части, впервые публикуемой, встречаются и такие строки (с. 357): «Пора расцвета в России византиноведения... миновала. Общественное настроение не благоприятствует византийским занятиям... Запад здесь опередил Россию». Действительно, можно верить его словам: «Я держусь правила: *ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia*. Но к чему это приведет! Воображаю заранее» (из письма, с. 32). Кстати, жаль, что составитель никак не отметила в настоящем издании те места, что были испорчены цензурной правкой. Сравнить издания никто теперь не будет, а для понимания личности и книги в контексте эпохи это было бы любопытно (тем более что С.А. Жебелёв все эти места вписал и вклеил в свой экземпляр второго выпуска – см. с. 41). О Б.А. Тураеве, к примеру, в издании 1931 г. (с. 128) было сказано так: «скончался безвременно в 1920 г., всего 52 лет». А в подлинном тексте В.П. Бузескула (с. 245 рец. изд.) есть продолжение: «от дизентерии в легкой форме, скорее, как говорят, – от нежелания жить...». Несомненно, это отзвук бесед с С.А. Жебелёвым – см. в очерке последнего «Из воспоминаний о старом товарище»¹: «Для чего жить, сказал он мне раз, когда люди душу продали».

Тщательно подготовленная к изданию работа В.П. Бузескула сопровождается комментарием (с. 398–468), содержащим как исправления фактических ошибок и оплошностей, так и ценные библиографические дополнения. В качестве приложения впервые публикуется статья «Гражданские войны, диктатура и террор» (с. 471–476) с характерным авторским примечанием: «Настоящие немногие строки представляют собой более подробное изложение части моих показаний во время до-

¹ Опубликовано: Тункина И.В. // ВДИ. 1993. № 3. С. 199.

проса моего в Особом отделе при штабе юго-западного фронта в ночь со 2 на 3 мая 1920 г.». Хорошо известно, что для В.П. Бузескула, как историка античности, было характерно сближение древности и современности. Сборник его статей так и назывался «Античность и современность». Он находил в античности «жизненные проблемы, сходные с теми, которые занимают умы современного человечества» (с. 281 рец. изд.). И вот в экзотической обстановке ночного допроса в Особом отделе историк рассказывал о том, как из анархии всегда рождалась тирания и как уже в древней Греции происходил спор о целесообразности террора. Он полагает, что большевики ныне побеждают по той причине, что являются государственниками. Но лишь после гражданских войн и страстной борьбы классов и партий на сцену должны выступить творческие силы. Любопытный документ, проливающий свет на психологию и общественно-политические взгляды историка!

И.В. Тункина составила также огромный (с. 477–831) «Биографический словарь-указатель», имеющий самостоятельную ценность. Она включила в него абсолютно все имена, встречающиеся как в тексте В.П. Бузескула, так и в ее собственных комментариях. Почти все имена сопровождаются справками (порой довольно пространными), составлены они с учетом не только опубликованных пособий, но и архивных документов. Справки эти весьма информативны и могут быть полезны не только при чтении труда В.П. Бузескула. Мне, впрочем, представляется, что указатель содержит некоторые излишества. Совсем не уверен, что в нем должна присутствовать, скажем, подробная биография А.И. Герцена. Если в комментарии упоминается недавно вышедший список печатных трудов И.В. Лучицкого, то карьерный рост одного из составителей этого сборника совсем не обязательно отслеживать в указателе (так же как биографические детали младшего научного сотрудника, которому составитель выражает благодарность в предисловии). Полнота излишняя – тем более что она недостижима (в указателе упоминаются и новые имена – почему бы на них тоже не дать словарные статьи?...). Если в списке сокращений встречается «МГПИ имени В.И. Ленина», вряд ли необходимо давать словарную статью о том, кто такой Ленин (политический и государственный деятель, настоящая фамилия которого Ульянов).

Правда, в какой-то мере составленный И.В. Тункиной указатель может заменить отсутствующий до сих пор «Биобиблиографический словарь отечественных антиковедов» (как имеется такого рода двухтомный словарь востоковедов, составленный С.Д. Милибанд и выдержавший уже четыре издания). Но все же в самом отборе имен в данном случае, естественно, присутствует случайность: не опубликовал бы тот или иной современный исследователь крохотную рецензию, упомянутую составителем в примечаниях, – и не удостоился бы он биографического очерка в Указателе где-нибудь между Н.В. Гоголем и М.И. Ростовцевым.

В работе, столь обширной и богатой, имеются, конечно, и небольшие оплошности. Так, египтолог В.М. Викентьев на с. 245 фигурирует как В.И. (опечатка, конечно, – но она повторяется и в комментарии на с. 430). Работа И.Г. Франк-Каменецкого о египетской религии составляет 5-й и 6-й выпуски «Культурно-исторических памятников Древнего Востока» (с. 430), а книжка В.В. Струве – выпуск ба. На с. 71 пропущен текст В.П. Бузескула: Огюстен – не фамилия, как можно было бы подумать, а имя Тьерри, за которым должны еще следовать Гизо, Барант, Тьер. Есть некоторая путаница в указателе в отсылках на двух Тьерри: Огюстена и Амедея. В форме Таклат-Паласар не узнан известный ассирийский царь Тиглатпаласар. Для фамилии Г.З. Байера зачем-то дан вариант Вауго (на самом деле на титуле книги стоит падежная форма, согласующаяся с аистого). Запутывающая отсылка: «Халфен см. Алфен» – на самом деле, в тексте вовсе нет никакого Халфена, а смотреть надо Альфан (Halphen). Но всякого рода мелочных замечаний ничтожно мало, учитывая колоссальный объем проделанной И.В. Тункиной работы. Изданная ею книга В.П. Бузескула, несомненно, станет настольной для каждого историографа и для многих специалистов по отечественной культуре.

Даже выпущенные в советское время первые две части были иллюстрированы портретами историков. Замечательно, что в новом издании фотографий уже более 80, и они несравненно лучшего качества. Все-таки историография – это история не только книг, идей, но и людей. В.П. Бузескул это хорошо понимал!

А.А. Вигасин